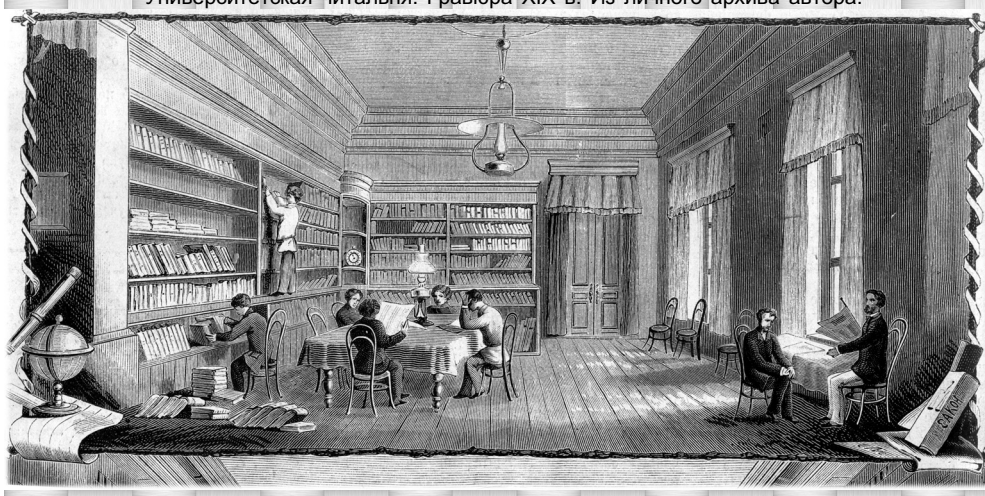
Университетская читальня. Гравюра XIX в. Из личного архива автора.



Как жилось университетскому преподавателю в Казани первой половины XIX в.

Отдыхающие студенты. Акварель Ф. И. Иванова. Из фондов НМ РТ.

С тех пор как в 1804 г. в Казани был основан университет, все проблемы местной городской жизни стали частью повседневного быта университетских людей. Ведь как бы ни были преподаватели погружены в научные и учебные интересы, они все же жили в материальном мире. Другое дело, что в отличие от большинства горожан их культурные запросы и соответствующее статусу поведение требовали значительно больших расходов. Однако преподаватели получали все-таки мало: меньше, чем заслуживали, и гораздо меньше, чем хотели.

При всей кажущейся легкости задачи определить уровень доходов профессоров и прочих служащих университета оказалось не так-то просто. С одной стороны, их жалованье было прописано в официальных «штатах», приложенных к университетским уставам. С другой — почти все преподаватели и даже вспомогательный персонал имели дополнительные источники доходов: и легальные, и полулегальные. Впрочем, об этих доходах они по разным причинам предпочитали умалчивать. В письмах же, направляемых в Петербург, университетская администрация намеренно подчеркивала, что преподаватели живут одним жалованьем и бедствуют. Это не раз сбивало с толку исследователей.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что в 1839-1843 гг. в России прошла крупная финансовая реформа с девальвацией ассигнаций, заменой их кредитными билетами, введением серебряного рубля как основной денежной единицы. После этого деньги в стране стали иными: «новый» рубль, как тогда говорили современники, приравнивался к 3,5 «старым» ассигнационным рублям.

Чтобы судить о реальном уровне жизни университетских людей в Казани, требуется сопоставление их доходов с уровнем инфляции. Ее наличие отмечалось на протяжении всего столетия, однако интенсивность менялась. Так, если в 1802 г. ассигнационный рубль приравнивался к 80 коп. серебра, то в результате выпуска огромных партий бумажных денег в период антифранцузских коалиций уровень рублевой ассигнации в 1814 г. упал до 20 коп. серебром. При этом жалованье большинства служащих осталось на том же уровне, а налоги и цены выросли. Их соотношение прослеживается на примере изменения цен на хлеб: в 1805 г. пуд ржаной муки в оптовой продаже стоил 35 коп., в 1808 г. — 60, в 1819 г. — 90, в 1838 г. — 1 руб.[1], в 1856 г. (новыми деньгами) — 24 коп.[2]

Уставом 1804 г. университетские люди России разом получили почти все экономические привилегии, которые их европейские коллеги отвоевывали у светских властей и горожан веками. Преподаватели и учащиеся российских университетов освобождались от налогов (исключались из податного оклада), были избавлены от «квартирования» в их домах военных (постойной повинности), от уплаты таможенных пошлин при перевозе или пересылке книг и имущества. Для них были введены дотационные цены на жилье и питание («квартирные» и «столовые» деньги), бесплатное или недорогое лечение. Они могли давать частные уроки и содержать пансионы, не платя государству налоги.

Поскольку отечественные профессора, в отличие от западных, не имели материальной поддержки от частных благотворителей и церкви и не могли рассчитывать на гонорары с учащихся, правительство взяло на себя полное обеспечение их жалованьем, учебными пособиями, научными инструментами и книгами, гарантировало содержание учебных помещений и студенческого пансиона.

Университетским людям был установлен высокий оклад. В начале XIX в. ординарный профессор получал жалованье в 2 тыс. руб. в год, экстраординарный (соответствует современной должности доцента) — 1 500, адъюнкт (аналог нынешнего старшего преподавателя) — 800, магистр (условно можно приравнять к современному ассистенту) — 400, студент-кандидат (аналог аспиранта) — 300 руб.[3]

Казначейство выплачивало служащим жалованье не ежемесячно, а равными частями, по «третям» годового жалованья: в январе, мае и сентябре. Они так и назывались: «январская треть», «майская треть» и «сентябрьская треть». Поскольку большинство университетских преподавателей были иногородние или иностранцы, то дополнительно к жалованью им выдавались «прогонные деньги» для покрытия дорожных расходов и единовременное пособие, так называемые «подъемные», для обустройства на месте. Для профессора они составляли тысячу рублей, адъюнкту полагалось 600 руб.[4]

Если иметь в виду уровень цен в России начала XIX столетия, то дарованные

университетским людям оклады позволяли им не бедствовать. Для сравнения: годовое жалованье полковника пехоты составляло в то время 334 руб. ассигнациями, при этом экипироваться он должен был за свой счет.

Таким образом, профессор Казанского университета мог жить довольно респектабельно. Жилье обходилось дешево, не было дефицита продуктов. Более того, реклама местных магазинов свидетельствовала о продуктовом разнообразии, цены же были значительно ниже столичных. Разница в столичных и провинциальных ценах особенно ощущалась при смене места жительства. Переехавший из Казани в С.-Петербург попечитель округа М. А. Салтыков в 1816 г. жаловался: «Так все вздорожало, что средств, которых в Казани хватило бы на год, здесь (в Петербурге. — *Авт.*) мне хватает не более чем на четыре-пять месяцев»[5].

Однако после войны 1812 г. хорошее жалованье университетских людей стала съедать инфляция. Цены на продукты взлетели. Вследствие расквартирования военных частей, эвакуированных государственных учреждений и военнопленных цены на квартиры и дрова также стали неимоверно высокими. В 1819 г. М. Л. Магницкий, проводя ревизию счетов университета, запросил справки о ценах у Казанского городского магистрата. Из выданного документа явствует, что пуд говядины стоил 4 руб. 80 коп., пшенной крупы — 1 руб. 80 коп., соли — 1 руб. 10 коп., мыла — 15 руб. 20 коп.; фунт коровьего масла — 47 коп., конопляного масла — 40 коп., сахара — 1 руб. 60 коп., черного чая — 5 руб., сальных свечей — 45 коп.; ведро белого вина — 15 руб.[6]

Когда в связи с пропажей золотых монет из минц-кабинета власти стали выяснять уровень доходов и расходов университетских людей, оказалось, что, на самом деле, в корпорации было довольно мало тех, кто жил на «голое» жалованье. Все, у кого была возможность, подрабатывали. Служащие ловили рыбу в о. Кабан, пускали в свою квартиру или в дом постояльцев (как правило, это были студенты и слушатели университета). Кандидаты и адъюнкты вели занятия в частных пансионах, готовили к поступлению абитуриентов, помогали городским обывателям составлять прошения и другие официальные бумаги[7].

Наиболее распространенным источником дополнительных доходов для профес-

Профессорское чаепитие на даче. Из фондов НМ РТ.

соров было совместительство должностей. Так, профессор Г. И. Солнцев, помимо оклада в 2 тыс. руб., получал еще 1 200 руб. за чтение курса по естественному праву. Профессора охотно брались за исполнение административных обязанностей. Так, за ректорство получали доплату 600 руб. в год, за деканство — 300, за секретарство в совете — 300, за выполнение обязанностей архивариуса — 700, синдика — 200, секретаря частных собраний — 100 руб. Если профессор брал на себя директорство над Педагогическим институтом, то ему выплачивали дополнительно 500 руб. в год. Инспектор студентов имел надбавку в 400 руб., столько же получал библиотекарь, а его помощник и писец — по 250 руб. При дефиците преподавательских кадров один профессор имел возможность совмещать и действительно совмещал три-четыре должности. Кроме того, в его доход входили и так называемые «квартирные деньги». Они составляли 500 руб. в год для профессора и 200 руб. для адъюнкта.

Все это вкупе составляло приличную сумму. Например, ординарный профессор К. Ф. Фукс совокупно получал из университетской кассы 3 036 руб., его коллега М. А. Пальмин — 4 000, а исполняющий должность директора И. Ф. Яковкин — 4 900 руб.[8] Перечисленные преподаватели были самыми высокооплачиваемыми в университетской корпорации. При этом жалованье являлось не единственным источником их дохода, поэтому они смогли приобрести в городе собственные дома.

Однако в рамках одной корпорации встречались и те, кто еле дотягивал до получения очередной трети и вынужден был вымаливать у директора И. Ф. Яковкина выдачу жалованья авансом. Получение должности для совместительства тоже зависело от решения университетской администрации. В результате в ее руках находились рычаги материального воздействия на подчиненных коллег.

К эпизодическим доходам университетской администрации следует отнести и денежные вознаграждения. Их получение не было определено в уставных документах или «штатах», скорее, их раздача являлась частью ритуала «въезда правителя». Каждое посещение университета членами императорской фамилии или высшими сановниками сопровождалось «одариванием». В 1829 г. после посещения университета императором все чиновники учебного заведения получили единовременное награждение. Для профессоров оно составило 750 руб.

Награды были также следствием рекомендательных писем, приходивших в министерство от имени сановников, посетивших университет. Премии в размере полного годового оклада или его части присуждались за успешное исполнение государственного дела, например, члены строительного комитета получили премию за возведение главного учебного корпуса. В благодарность за поднесенный императору, великому князю или министру научный трактат или за заслуги в просвещении преподаватель мог получить бриллиантовый перстень или золотую табакерку[9]. В некоторых случаях такие вознаграждения становились для университетского человека регулярным доходом. Например, директор И. Ф. Яковкин получал премии в размере годового жалованья каждые два года; регулярно получал вознаграждения и ректор Н. И. Лобачевский[10]. Денежные награды приносили их получателю еще и символический капитал. В университетской среде они рассматривались как проявление особого благорасположения верховной власти и способствовали росту престижа награжденного.

Вместе с тем ряд преподавателей и без покровительства столичного начальства чувствовали себя довольно независимо, в том числе материально. Как правило, это были профессора, получившие состояние либо по наследству, либо в качестве приданого за женой. Так, приехавший в Казань профессор Ф. К. Броннер всерьез помышлял о приобретении недвижимости в губернии. Его быт значительно отличался от жизненного уклада большинства казанских обывателей начала XIX в. Внимание приходивших к нему на квартиру коллег и студентов привлекала красивая посуда, столовое серебро, занавески на окнах, цветы на подоконниках[11]. В его доме всегда было хорошее вино и свежеприготовленный обед.

Однако его соотечественник, коллега и современник, профессор П. Д. Ф. Цеплин жил, по выражению его биографа Д. И. Нагуевского, «убого»: довольствовался весьма скромной обстановкой, плохими обедами, снятыми комнатами, старой одеждой. Такой быт был более характерен для «беспритязательных одиноких профессоров доброго старого времени»[12].

В послевоенные годы жалованье не обеспечивало жизнь даже верхушке университетской иерархии. Ректор Г. Б. Никольский с упреком напоминал попечителю: «12 лет отправляю я уже самые тяжелые должности... Что же я приобрел?.. Потеряв на службе здоровье, которым, правда, от роду богат не был, не видел красных дней, а денег и столько не скопил во время 16-летней службы, чтобы без нужды переехать с одного места на другое»[13]. Приравненный в чинах к генералу, ректор должен был иметь выезд, но его у Никольского не было. Его чин и достаток не соответствовали друг другу.

Жизнь человека XIX в. была плохо защищена и подвержена многим случайным обстоятельствам. И гораздо в большей степени, чем факторы экономической нестабильности, на нее воздействовали частые болезни, эпидемии, стихийные бедствия. Особенно часто в Казани случались наводнения и пожары. Так, имущество многих университетских людей было частично или полностью уничтожено в городских пожарах 1815 и 1842 гг. В связи с этим ректор Н. И. Лобачевский сообщал о крайней нищете многих университетских семей[14]. Среди прочих погорельцем оказался и бывший ректор Г. Б. Никольский, незадолго до этого приобретший деревянный дом.

В экстренных случаях люди могли рассчитывать на компенсацию части потерь за счет казны и общественных пожертвований[15]. Другое дело, что эта помощь была небольшой, зависела от чина погорельца, величины понесенного им ущерба и выдавалась спустя годы, а процедура ее получения сопровождалась бюрократическими проволочками. Но все же на нее надеялись и компенсацию реально получали[16].

Дорого стоило лечение заболевшего человека. Санитарно-гигиенические условия губернской Казани были таковы, что способствовали распространению среди горожан инфекционных заболеваний. По статистике, опубликованной в 1867 г. Александровской лечебницей, наиболее частыми заболеваниями в городе были «перемежающаяся лихорадка», сифилис и воспаление легких[17]. Современники сообщали, что из-за климатических условий «в Казани преимущественно свирепствуют простудные болезни и упорные лихорадки, часто сопряженные с опухолями и переходящие в водяную болезнь. Цинготное худосочие тоже не чуждо казанскому климату»[18].

Своих людей университет лечил в собственной клинике[19]. Она была небольшой, «на несколько кроватей», но, даже на взгляд критично настроенного ревизора М. Л. Магницкого, отличалась отличной организацией*. Строго говоря, лечение в ней не было бесплатным, хотя с больного денег не требовали. Зато часть средств жалованья преподавателя отчислялось «на гошпиталь»[20]. Когда же в 1829 г. при университетской клинике была открыта аптека, в договоре с ее арендатором специально оговаривалось условие: цена на лекарства для университетских людей должна включать только стоимость химикатов.

В XIX в. жизнь казанских обывателей периодически оказывалась парализованной из-за приступов эпидемий. Город замер в 1812-1813 гг., когда на его улицах свирепствовал тиф, вызванный переселением в город большого числа пленных и мигрантов из разоренных французами территорий. А в 1830-1831, 1847-1848, 1853-1854, 1857, 1859, 1866 гг. городская жизнь затихла в страхе и бессилии перед холерой. Болезнь часто завершалась летальным исходом. В таких случаях университет брал на себя расходы, связанные с похоронами сотрудников, а вдова и дети умершего получали единовременное годовое жалованье кормильца. Размер установленной им пенсии зависел от стажа службы покойного.

Очевидно, с точки зрения многих городских обывателей, жизнь университетских преподавателей казалась легкой и обеспеченной. Сами же они так не считали. Ректор К. Ф. Фукс в прошении министру разрешить выдавать преподавателям жалованье не по третям, а ежемесячно, писал: «Профессора и чиновники К[азанского] у[ниверситета], по ограниченности получаемого ими жалованья и дороговизны, — все почти терпят крайнюю нужду в содержании, и особенно те из них, кои обязаны большими семействами. Все они, кроме жалованья, не имеют посторонних доходов, в столицах наших и других местах так обыкновенных. И потому от трети до трети не могут изворачиваться в хозяйстве своем без займа на счет их жалованья»[21]. С позволения министра преподаватели стали получать жалованье ежемесячно «по двадцатое число». Понятно, что доход от этого не

* В 1816 г. клиника обслуживала сначала четыре затем восемь стационарных больных, а в 1828 г. университет построил деревянное здание больницы на 60 коек.

стал выше, но хотя бы не росли проценты по заемным деньгам.

В конце 1820 — начале 1830-х гг. инфляция в Казани стала падать, и цены на жилье и продукты несколько снизились. Тем не менее преподаватели ощущали себя живущими в крайне стесненных условиях. Очевидно, такое ощущение порождали не только размер жалованья и цены, но и предписываемый им уровень жизни, которому следовало соответствовать. В эти годы университет блистал паркетными полами. Входящих в учебный корпус преподавателей встречал швейцар в шитой золотом ливрее. «Профессорская зала» была украшена роскошными картинами и обставлена дорогой мебелью. Профессора, магистры и адъюнкты были облачены в мундиры полувоенного образца. В соответствии с занимаемым общественным положением они были обязаны заниматься благотворительностью, что влекло за собой сбор средств «по подписке» на сооружение памятников, на организацию библиотек, на создание новых учебных заведений, на проведение мемориальных торжеств или «на пользу отечества» в условиях войн и стихийных бедствий[22].

Перед лицом местного общества корпорация демонстрировала свой особый «имперский» статус. Появляясь в публичных местах, университетский преподаватель неизменно становился объектом пристального внимания окружающих. По своему положению он вынужден был держать дом «открытым» для гостей — студентов, городских знакомых, приезжих коллег и чиновников. Все это требовало дополнительных и немалых расходов. Между тем жалованье могло обеспечить преподавателю либо приличное, но одинокое и замкнутое существование ученого-анахорета, либо очень скромный, если не сказать убогий, образ жизни семейного обывателя.

Разговор Н. И. Лобачевского с министром народного просвещения, состоявшийся в начале 1836 г., свидетельствует, что университетские люди Казани с большой надеждой ждали введения нового устава, обещавшего повышение окладов. «Все вообще наши ученые, — уверял министра народного просвещения С. С. Уварова казанский ректор, — нуждаются в содержании и потому ждут с нетерпением преобразования университета. Например, профессор Шарбе с многочисленным семейством едва может себя пропитывать и сколько-нибудь пристойно жить»[23]. Преподавателю нужно было не просто жить, но жить «пристойно»!

По уставу 1835 г. ординарный профессор нестоличного университета стал получать годового жалованья 4 000 руб. ассигнациями (с 1839 г. это составляло 1 143 руб. 68 коп. новыми деньгами, т. е. серебром) и 500 руб. квартирных. Столичные профессора оплачивались намного лучше: их жалованье составляло 5 000 руб. Экстраординарные профессора в Казани получали 3 000 руб. (в столицах — 3 500) и 300 руб. на квартиру, адъюнкты — 2 000 руб. (в столицах — 2 500) и 300 руб. квартирных, лектор без звания — 1 600 руб. Надбавочные оклады ректора составляли — 1 000 руб., деканов — 500 руб. и профессоров университетского Педагогического института — 400 руб.

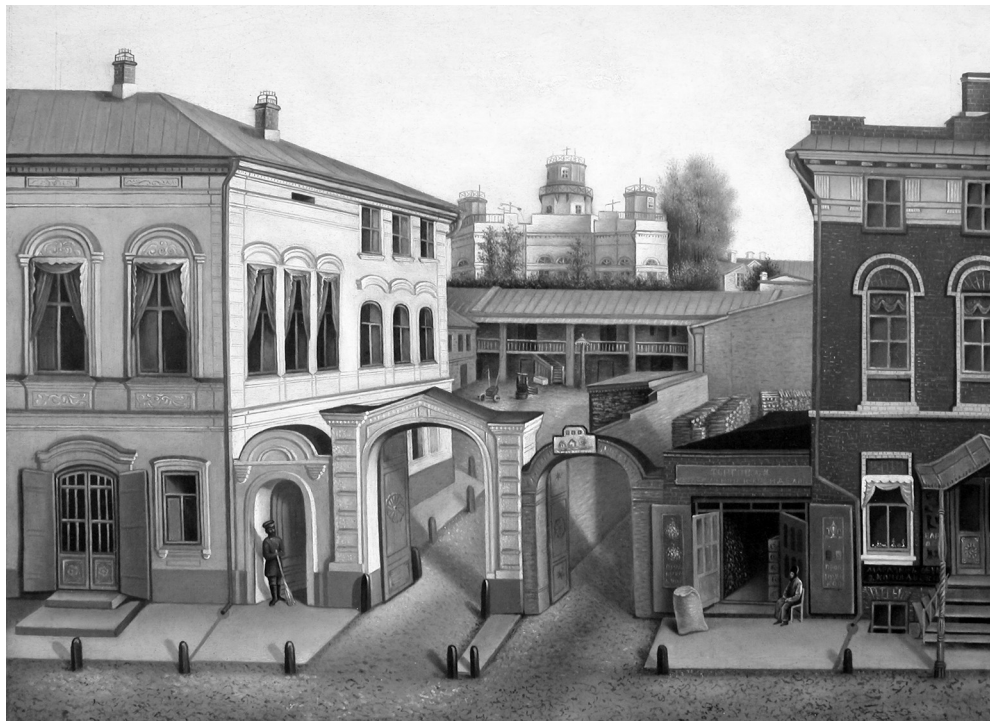
Подняв штатные оклады, правительство вместе с тем запретило практику совместительства, вернее, сделало ее полулегальной — только для исключительных случаев. Устав предписывал: «Один профессор не может иметь двух кафедр»[24]. В Казани данное предписание игнорировалось. И власти вынуждены были смотреть на это «сквозь пальцы»: иначе университету пришлось бы отменить целый ряд дисциплин.

В конце 1850-х гг. стоимость основных продуктов питания в Казани возросла почти в два раза. Непомерно высокими стали цены на сахар, чай и картофель. Фунт сахара стоил 30 коп. и был в шесть раз дороже говядины, фунт чая — 2-3 руб., то есть в 40-60 раз дороже мяса, ведро картофеля стоило 10 коп. оптом, а в розницу еще дороже. В результате мелкие чиновники, учащиеся и даже больные в больницах почти не знали вкуса сладкого чая. Соответственно в рационе питания казанцев со средним и низким доходом доминировали хлеб и мясо.

Одновременно с ценами на продукты питания росли цены на жилье, отопление (дрова), освещение (свечи), одежду и обувь. В Казани конца 1850-х гг. стоимость жилья в зависимости от качества, удобств и месторасположения колебалась в среднем от 3 до 17 руб. и более. Квартиры же в каменных домах центральной части или аристократических кварталах стоили от 25 до 50 руб. в месяц. Одна из причин дороговизны квартир была связана с ростом цен на дрова и свечи. Даже если семья экономила и ложилась спать с наступлением темноты,

ее расход на свечи составлял в месяц около одного рубля[25].

Если, по признанию современников, в целом по стране на рубеже 1850-1860-х гг. цены на продукты и товары первой необходимости выросли в три раза по сравнению с 1835 г., то в Казани уровень инфляции был значительно ниже. Прибывших в Казань из столиц профессоров поражала дешевизна местной жизни. Д. А. Корсаков вспоминал, что за квартиру в доме Котовщикова на Ново-Горшечной улице, состоявшую из шести комнат на втором этаже и пяти «в антресолях», платили по 360 руб. в год[26]. В Москве в это время квартира из пяти жилых комнат, передней и кухни стоила 600 руб., освещение обходилось в 80, а отопление — в 120 руб.



Дом Н. И. Лобачевского на Большой Проломной. Из фондов НМ РТ.

Однако введение различной оплаты труда университетских педагогов в столице и провинции привело к тому, что в Москву и Петербург потянулись сильные и не обремененные семьей ученые. Столица давала молодому активному интеллектуалу гораздо больше возможностей для научной реализации и карьерного роста. С ними приходило и материальное благополучие выше того уровня, которого мог достичь преуспевающий профессор в провинции. Видя в этом разрушительные для университетской жизни последствия, казанский попечитель буквально взывал к министру поднять оклады провинциальным университетам. Как Казань может удержать молодого профессора, «пропитывающегося низким окладом жалованья и жаждущего удобств, которыми столицы изобилуют?», вопрошал он[27].

К тому же не только о дискриминационной оплате труда шла речь. В отличие от прочих российских университетов, Казанский университет не мог оплатить зарубежные стажировки своих ученых, организацию их экспедиций, приобретение учебной и научной литературы, химических препаратов и физического оборудования, издание научных трудов. То были негативные последствия политики приоритетного финансирования Восточного разряда. В свое время в связи с потребностью правительства в ориенталистах и надеждой сделать Казань центром востоковедения бюджет Казанского университета был распределен между Восточным разрядом и всеми остальными разрядами и отделениями. После перевода в 1856 г. Восточного разряда со всеми его коллекциями и преподавателями в

Петербург Казанский университет оказался разоренным и обескровленным[28].

В результате такого финансового положения университета и материального обеспечения его состава приток молодых кадров в преподавательскую корпорацию иссяк. Правительство вынужденно отмечало отсутствие конкуренции на замещение вакантных должностей и наличие огромного числа пустующих мест. Между тем университетской корпорации это было даже выгодно. Совмещение должностей влекло за собой дополнительную оплату, и за получение дополнительных часов и дисциплин преподаватели активно боролись[29]. Сэкономленную сумму правление университета направляло как на вознаграждение нуждающимся преподавателям и выдачу стипендий бедствующим студентам, так и на мелкий ремонт зданий. В итоге сложился порочный круг, в результате которого пострадали преподавание и наука.

Испытывавшее финансовый дефицит правительство воспитывало в подданных чувство бескорыстной службы Отечеству — не за чины и жалованье, а за «совесть» и «любовь»[30]. Современники весьма неоднозначно реагировали на эту пропаганду, но в душах университетских преподавателей она находила благоприятный отклик. Очевидно, в генетической памяти университетской культуры сохранилась память о древней максиме, утверждавшей божественность и потому непродажность знания[31]. Университетская корпорация всегда культивировала в своей среде бескорыстие и равнодушие к миру бренных вещей, доводя это чувство порой до крайностей. Провожая в последний путь врача и синолога О. П. Войцеховского, коллеги вспоминали о его «редком бескорыстии и всегдашней готовности помогать страждущему человечеству». Как о высшем проявлении самопожертвования говорилось о бедственном положении его семьи. «По необыкновенному бескорыстию своему ты оставил свое семейство, супругу и пятерых детей без всякого состояния», — говорили восхищенные сослуживцы[32].

По качеству жизни профессора Казанского университета делились на две основные категории: ученые-аскеты, пренебрегающие мнением обывателей и обустраивающие свое жилье как научную лабораторию или скрипторий, и профессора-аристократы, всем своим видом и стилем жизни стремящиеся поддержать в обществе социальный престиж университета, утвердить иллюзию, что в храме наук обитают боги, не ведающие бытовых и материальных проблем. Высокий социальный статус университетского преподавателя, а также его культурные потребности понуждали многих представителей корпорации вести жизнь не по средствам. Видимо, тот респектабельный образ профессора, что сохранился и утвердился в нашей памяти, обеспечивался не столько заботой об ученых государства, сколько огромным физическим (чтение лекций в разных учебных заведениях, обширная медицинская и юридическая практика и т. д.) или психологическим (долги, камуфлирование недостатка в средствах) напряжением.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Казанские губернские ведомости: Прибавление к № 5. – 1839. – С. 4.
2. Там же. – 1856. – С. 13.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 733, оп. 39, д. 14, л. 5.
4. Там же, оп. 40, д. 113, л. 8.
5. Нагуевский Д. И. Профессор Франц Ксаверий Броннер, его дневник и переписка (1758-1850). – Казань, 1902. – С. 316.
6. РГИА, ф. 733, оп. 39, д. 260, л. 632-656.
7. Там же, оп. 40, д. 365, л. 8.
8. Там же, л. 2 об.-3 об., 11, 62 об.-63, 338.
9. НА РТ, ф. 977, оп. Ректор, д. 1045, л. 33.
10. Там же, д. 297, 386, 425, 542.
11. Нагуевский Д. И. Указ. соч. – С. LXXII.
12. Нагуевский Д. И. Петр Цеплин — первый профессор Казанского университета (1772-1832): Историко-литературный очерк. – Казань, 1904. – С. 243.
13. ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 4019, л. 73-74.
14. Лобачевский Н. И. Научно-педагогическое наследие. Руководство Казанским университетом. Фрагменты. Письма / Ред. П. С. Александров и др. – М., 1976. – С. 305-306.
15. РГИА, ф. 733, оп. 45, д. 2.
16. НА РТ, ф. 977, оп. Ректор, д. 478.

17. Сведение о деятельности Александровской лечебницы для приходящих // Справочный листок города Казани. – 1867. – 18 июля.
18. Баженов Н. Казанская история. Ч. III: Казанская губерния. – Казань, 1847. – С. 30.
19. НА РТ, ф. 977, оп. Ректор, д. 1004.
20. РГИА, ф. 733, оп. 39, д. 260, л. 11.
21. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 2020, л. 1.
22. Там же, д. 1923, 1923, 1915; ф. 977, оп. Ректор, д. 1064.
23. Лобачевский Н. И. Указ. соч. – С. 632.
24. Устав Российских императорских университетов // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. II: Царствование императора Николая I. 1825-1855. Отд. 1: 1825-1839. Изд. 2-е. – СПб., 1875. – С. 982.
25. Вульфсон Г. Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. – Казань, 1974. – С. 83-85.
26. Корсаков Д. А. Былое в жизни Казанского университета в 1856-1860 гг. // Былое из университетской жизни. – СПб., 1904. – С. 184.
27. РГИА, ф. 733, оп. 47, д. 74, л. 2.
28. Там же, л. 12.
29. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 7468, л. 6.
30. Речь предводителя губернского дворянства Н. В. Чемезова // Казанские губернские ведомости. – 1851. – № 1. – С. 4.
31. Уваров П. Ю. Интеллектуалы и интеллектуальный труд в средневековом городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы: Жизнь города и деятельность горожан. – М., 1999. – Т. 2. – С. 234.
32. Некролог О. П. Войцеховского // Казанские губернские ведомости. – 1851. – № 3. – С. 23.

№ 1.

Из Донесения Попечителя Казанского учебного округа В. Молоствова управляющему Министерством народного просвещения

6 октября 1856 г.
№ 3528.

Министерство народного просвещения. Департамент. Отделение II. Стол 1. От попечителя Казанского учебного округа.

Господину управляющему Министерством народного просвещения.

Обстоятельства, в которых находится в настоящее время наш университет, заставляют меня обратить внимание Вашего сиятельства в особенности на то его положение, в которое он поставлен со времени своего преобразования, сделавшись переходным для профессоров в другие учебные заведения империи. Мы иногда с гордостью пересчитываем имена лиц, которые, получив образование свое в самой Казани или средства приобрести высшие познания за границей на счет нашего университета, впоследствии переселились в столичные города и там снискали себе известность и уважение. Мы видим, что столичные университеты, несмотря на совершенно другое свое положение, пользуются приготовленными уже в провинции учеными, завлекая их к себе и высшими окладами жалования, и возможностью занимать посторонние должности, и богатством своих учебных пособий, и большим кругом ученых людей, и сочувствием самой публики к интересам науки.

Теперь рождается вопрос: может ли Казань, город удаленный в глубину империи, лишенный ученого движения и сношения с учеными обществами, испытывающий замедления в приобретении заграничных книг и вообще учебных пособий, затруднения в издании ученых трудов отсутствием цензуры, не умеющий еще сочувствовать науке и положению ученого, в состоянии ли он удержать у себя молодого профессора, пропитывающегося низким окладом жалования и жаждущего удобств, которыми столицы изобилуют?

Кроме того, наш университет давно встречает затруднения в средствах отправлять своих преподавателей за границу. [...]

К тому нужно присовокупить, что Казанский университет истощил все свои материальные средства на полезные предприятия, обратившиеся, как например, восточная библиотека и минц-кабинет, на пользу другого заведения, лишился средств к приобретению важных и необходимых пособий для других отраслей наук, и в настоящее время необходимо особое вспомоществование правительства, чтобы иметь возможность поддержать то, что уже устроено, и двинуться вперед. Дело идет о даровании, если не высших, то, по крайней мере, одинаковых окладов жалованья лицам, служащим в Казанском университете, в сравнении с столичными, а также об увеличении сумм на учебные пособия и о вознаграждении за принесенные им невольные жертвы, тогда только наш университет, обладая новыми средствами, в состоянии будет обеспечить себя относи-

тельно преподавателей. В молодых же людях, желающих посвятить себя служению наук на одном месте, недостатка быть не может, и тогда переход преподавателей из одного заведения в другое может даже принести несомненную пользу, ускорив размен идей, воспрепятствовать застою мыслей.

Попечитель Казанского учебного округа [В. П.] Молоствов.

РГИА, ф. 733, оп. 47, д. 74, л. 1-4.

№ 2.

Докладная записка министра народного просвещения А. С. Норова попечителю Казанского учебного округа В. П. Молоствову

Министерство народного просвещения. Конфиденциально. Господину попечителю Казанского учебного округа.

По возвращении моем в Петербург доложено мне донесение Вашего превосходительства от 6 октября [1856 г.] № 3528 о настоящем положении Казанского университета и о предположениях Ваших о приведении онаго в лучшее состояние.

Все, что Ваше превосходительство столь справедливо высказали в сем донесении, было уже у меня в виду, и я готов содействовать всеми зависящими от меня способами к охранению личного ученого состава университета Казанского. [Надежнейшим к тому средством в настоящее время, конечно, может служить возвышение окладов преподавателей и усиление способов к обогащению библиотеки и кабинетов]*.

Посему я прошу [Ваше превосходительство поспешить]** [Вас М. Г.]*** доставлением мне ближайших [Ваших]**** соображений [о возможном увеличении на первый раз окладов преподавателей. Между тем нахожу нужным сказать, что я в полной мере сочувствую побуждениям, заставляющим Ваше пр[евосходительст]во беспокоиться о будущей судьбе вверенного попечению Вашему университета, и святым долгом поставляю ходатайствовать пред всемилостивейшим государем о даровании средств к поддержанию онаго]*****.

Министр народного просвещения А. Норов.

РГИА, ф. 733, оп. 47, д. 74, л. 5-6.

№ 3.

Докладная записка попечителя Казанского учебного округа министру народного просвещения А. С. Норову

14 февраля 1857 г.
г. Казань
№ 9.

Министерство народного просвещения. Департамент. Отделение II. Стол. Копия господину министру народного просвещения.

Благоугодно было Вашему высокопревосходительству от 13 ноября истекшего года конфиденциально требовать от меня ближайших соображений о моих предположениях к приведению Казанского университета в лучшее состояние.

Все сии соображения более или менее известны Вашему высокопревосходительству из личных моих объяснений и неоднократных представлений по разным случаям; и теперь, по глубокому моему убеждению, спешу повторить Вам, милостивейший государь, что все они проистекают из близкого моего знакомства с сим высшим в здешнем крае ученым заведением и основываются на уже давно обнаруживающихся нуждах его как в материальном, так и в нравственном отношениях.

1). Итак, на первом месте я вынужден поставить снова необходимость увеличения штатов****** Казанского университета, по крайней мере, в размерах столичных университетов, дабы иметь возможность обеспечить содержание служащих лиц, упрочить существование на одном месте, обогатить учебные пособия в уровень с успехами наук, дать пищу для постоянных ученых занятий профессорам, поддержать в них стремление к полезному трудолюбию и таким образом нравственно их возвысить в глазах образующегося у нас юного поколения и в глазах окружающего их общества.

2). Учреждение отдельной цензуры при Казанском университете я считаю также одним из самых необходимых условий для облегчения профессоров в их ученых заня-

* Предложение зачеркнуто.
** Зачеркнуто.
*** Дописано поверх текста от руки.
**** Дописано поверх текста от руки.
***** Фраза зачеркнута.
****** Выделение чертой соответствует выделению в документе.

тиях. Проходят нередко месяцы прежде, нежели посланные в цензуру статьи или сочинения возвращаются обратно к автору; появление их делается уже несовременным, отсталым и отнимает всякую охоту к продолжению занятий и к обнародованию своих трудов. Эта отдельная цензура при университете дала бы особую жизнь журналу, издаваемому с 1834 года при Казанском университете под названием «Ученые записки». Существуя уже 23 года и издаваясь по прежним, не удовлетворяющим ни настоящему времени, ни состоянию науки теперь, правилам, журнал этот нисколько не может дать обществу свидетельства об ученой деятельности университетского сословия. Публика почти не знает о его существовании, и многие из профессоров, естественно, находят для себя выгодным помещать статьи свои в столичных журналах, где труд их вполне вознаграждается. В прошлом году составлена была комиссия для замены прежних правил издания новыми, могущими придать значение и жизнь «Ученым запискам», и я надеюсь, что с будущего года этот орган умственной деятельности университета будет уже иметь другой характер, более согласный с требованиями, приписанными ученому журналу обществом и наукою.

Говоря об увеличении штатов университета, я вовсе не имею в виду прихотей частных или роскоши, извне к нам приходящей, а основываюсь на том, что профессор здешнего университета часто поставлен в необходимость приобрести какое-нибудь ученое пособие. […]*

Между тем Казанский университет ежегодно по высочайше утвержденным положениям или по министерским разрешениям обязан около 3 500 руб. издерживать на преподавателей и чиновников сверхштатных и до 3 000 руб. расходовать на выдачу профессорам, преподающим дополнительные курсы по медицинскому факультету и в камеральном разряде наук. Эта выдача производится из экономической суммы, которая, как известно, накопляется собранными остатками от прочих штатных положений. С ожидаемым вскоре замещением вакантных кафедр, очень естественно, закроется и последний источник для экономической суммы, а университет лишится возможности поддерживать даже то, что до сего времени заведено.

При этом считаю долгом повторить, что приобретение книг и монет восточных, приготовление преподавателей по азиатским языкам, путешествия их, издание их сочинений, словом, поддержка бывшего Восточного разряда, составлявшего один из характеристических элементов Казанского университета, по большей части, была причиной истощения денежных средств его, тем более прискорбного, что увеличение средств в восточном факультете, ныне уже не существующем в Казани, совершалось на счет других факультетов. Богатое собрание восточного отделения библиотеки отошло к С.-Петербургскому университету, и пополнить неустройство других отделов возможно только с увеличением денежных средств, с единовременным вознаграждением за взятие у Казанского университета восточных рукописей и монет, о чем Ваше высокопревосходительство в последнее мое пребывание в С.-Петербурге и изволили обнадежить. По каталогу здешней университетской библиотеки значится, что отправленные в С.-Петербург восточные книги и рукописи стоили университету 21 465 руб. 28 коп., а собрание восточных монет около 8 000 руб. сер[ебром] 29 коп.

Далее II***, небезызвестно Вашему высокопревосходительству, что в настоящее время почти все университетские кабинеты, по своему богатству, при постепенном умножении учебных пособий нуждающихся в приличном оснащении, сообразном с состоянием науки и удобном для изучения их. Препятствовать же необходимому приращению материальной их части и тем затруднять учебные науки было бы явным противодействием цели высшего учебного заведения. Поэтому предместники мои ходатайствовали пред министерством о постройке нового здания, в котором предполагалось разместить кабинеты зоологический, минеральный, нумизматический и кабинет редкостей. Но недостаток денежных средств не дозволил тогда приступить к осуществлению этой мысли, полезной для преподавателей и для студентов, и в нынешнее время подобное предприятие оказывается едва ли исполнимым.

Попечитель Казанского учебного округа [В. П.] Молоствов.

РГИА, ф. 733, оп. 47. д. 74, л. 7-14.

Публикацию подготовили
Елена Вишленкова,
доктор исторических наук,
Марат Гизатуллин,
аспирант КГУ

* Следующий 1 лист документа утрачен.